

Шу Ли с пылающим от смущения лицом отвёл Сизта к своему бутону.

Он был в полном отчаянии от собственного языка и рта! В голове он чётко думал «Сизт», но изо рта вырвалось «Сит».

Какое же важное звено было упущено между «думать» и «говорить»? Иначе отчего возникла такая огромная разница?

Шу Ли про себя вздохнул, залетел в бутон, взял кокон насекомого и протянул его Сизту.

Первоочередная задача — сшить нижнее бельё!

Сизт усмехнулся, принимая кокон, и наконец понял, в чём Сперизэн просил его помочь. Он действительно обещал помочь ему очистить коконы и извлечь шёлк, но не ожидал, что малыш окажется настолько упорным и будет помнить об этом спустя всё утро.

Держа кокон, он наклонил голову и спросил:

— Я могу помочь тебе обработать все эти коконы, но не мог бы ты сказать, что планируешь сделать из этого шёлка?

Шу Ли выслушал эту длинную вереницу слов, и его зелёные глаза наполнились непониманием.

«Что он имеет в виду?»

«Может, думает, что коконов слишком много, и не хочет помогать?»

Но, судя по выражению лица Сизта, тот не выглядел нетерпеливым.

«Может, он спрашивает о назначении шёлковых нитей?»

Шу Ли озарило.

Точно.

Должно быть, именно об этом.

В самом деле, для едва появившегося на свет дитя добывать шёлк из такого количества коконов насекомых было довольно странным занятием.

Но у Шу Ли не было выбора. Ему отчаянно требовались трусики.

Ходить совершенно голым под мантией — это всё равно что бегать нагишом!

Его взгляд невольно скользнул вниз, к талии Сизта и ниже.

Носят ли взрослые феи нижнее бельё?

Подол мантии Сиэта был длинным и пышным, с множеством складок, так что понять, есть ли на нём бельё, было невозможно, пока тот не начнёт активно двигаться.

Сиэт заметил, что малыш устался на нижнюю часть его тела, и озадаченно наклонил голову.

«Что-то не так?»

Сегодня для занятия в Яслях он специально переоделся в новую одежду. Мантия на нём была сшита Юлией, знаменитым мастером-ткачом фей, из первоклассных материалов по новому фасону. Она отлично растягивалась, подстраиваясь под разные размеры, и была наделена высшей магией, способной выдержать атаку Великого Мага.

Это была высокоуровневая магическая мантия.

Он был уверен, что в его внешнем виде нет ничего ненужного.

Так почему же малыш смотрит на него так странно?

Сиэт улыбнулся:

— Малыш Сперизэн, ты всё ещё не ответил на мой вопрос!

Шу Ли отвёл взгляд, а в его голове закрутились мысли: он судорожно размышлял, как доходчиво объяснить взрослому фею свою потребность.

Он огляделся по сторонам и заметил неподалёку пышно цветущий бутон. Его крупные тонкие лепестки нежного розовато-белого цвета располагались в несколько слоёв. Если сорвать один лепесток, это ничуть не испортит его красоты.

Расправив крылышки, Шу Ли подлетел и быстро сорвал лепесток. Под изумлённым взглядом Сиэта он вернулся к своему бутону и спокойно проделал в лепестке две дырки. Затем продел в отверстия ножки, аккуратно подхватил края и потянул вверх.

Идеально! Импровизированные трусики были готовы.

Приподняв подол мантии и придерживая края лепестка, Шу Ли смело продемонстрировал своё творение Сиэту.

Почему он не использовал тот же способ, чтобы объяснить всё Аише ранее?

Да потому что Аиша — женщина!

Сам он был мальчиком, и как он мог сделать нечто столь смущающее перед женщиной? Это ничем не отличалось бы от поведения извращенца!

Сиэт же был мужчиной-феем, одного с ним пола. Без подобных стеснений Шу Ли чувствовал себя куда свободнее.

Закончив демонстрацию своих «трусиков», Шу Ли уставился на Сиэта с надеждой в глазах.

«Теперь ты понял? Ты понял, что мне нужно?»

Малыш похлопал большими блестящими глазами, заставив Сиэта беспомощно усмехнуться.

«Так вот оно что, кроха хочет трусики?»

Едва появившиеся на свет малыши-феи были наивны и совершенно не умели ухаживать за собой, поэтому сначала им давали только самую простую одежду. Нижнее бельё считалось необязательной роскошью.

До сегодняшнего дня ни один малыш не просил нижнего белья, и ухаживающие за ними взрослые феи не уделяли этому особого внимания. Поэтому, когда Сиэт узнал, что Сперизэн настолько полон решимости обзавестись трусами, он был одновременно поражён и позабавлен.

«А он и вправду уникальный маленький фей».

Сиэт тепло улыбнулся и кивнул Шу Ли:

— Я передам твою просьбу Аише.

Увидев кивок Сиэта, Шу Ли с облегчением перевёл дух.

«Наконец-то получилось объяснить! Как же это было трудно!»

Взмахнув крыльями, Сиэт стремительно подлетел к столу из лиан и заговорил с Аишой. Выражение лица Аиши сменилось удивлением, и она бросила взгляд в сторону бутона Шу Ли.

Шу Ли боролся со сном, тревожно выглядывая из-за края своего бутона.

Он надеялся, что Сиэт сможет убедить Аишу.

Он ждал и ждал, пока веки не стали тяжелеть, и наконец Аиша ушла, оставив Сиэта в Яслях присматривать за малышами.

Сиэт вернулся к бутону Шу Ли и, увидав его полусонным, мягко взъерошил его золотистые волосы:

— Умница, спи. Аиша позаботится о твоём вопросе.

Шу Ли сонно кивнул, его крошечная головка закивала, хотя сам он вряд ли понял слова. Его маленькое тельце сползло вниз, и он свернулся калачиком на пестике цветка, мгновенно

погрузившись в сон.

Взгляд Сиэта смягчился. Он щелкнул пальцами, и лепестки цветка автоматически сомкнулись над спящим малышом.

Он бросил взгляд на громоздкий кокон насекомого, занимавший место в бутоне, и приподнял бровь.

Шу Ли проспал беспробудным сном всю вторую половину дня. Когда к нему постепенно вернулось сознание, он сладко потянулся, зевнул и сел, чувствуя себя отдохнувшим и бодрым.

Хм?

Почему в бутоне стало так просторно? Куда делся громоздкий кокон?

Он тут же огляделся и обнаружил, что кокон исчез, а вместо него появились четыре белоснежных клубочка шёлковых нитей.

Из любопытства Шу Ли взял один из клубочков, нашел кончик нити и потянул. Шёлк был гладким, прочным и невероятно эластичным — идеальным для ткачества.

Оказывается, Сиэт разобрался с коконом, пока Шу Ли спал.

«Какой же он прекрасный человек!»

Шу Ли мысленно вручил Сиэту «карточку хорошего человека».

Бутоны полностью раскрылись, и дети стали просыпаться один за другим. В тот же миг раздался знакомый звон колокольчика, снова извещающий о начале приёма пищи.

Шу Ли отложил клубок шёлковых нитей, взмахнул крылышками и полетел к столу из лиан.

За столом из лиан Сиэт держал арфу. Ловкими пальцами он перебирал струны, извлекая волшебную мелодию, которая заставила малышей синхронно замереть, а затем разделиться на две группы: девочки-феи направились к Аише, а мальчики — к Сиэту. Группы расположились далеко друг от друга, разделённые густой листвой, закрывающей обзор.

Шу Ли приземлился перед Сиэтом; его сердце заколотилось, когда он заметил сундучок у его ног.

«Труссы? Это труссы? Пожалуйста, пусть это будут труссы!»

Он с надеждой уставился на Сиэта, проклиная своё неумение говорить по-эльфийски. Иначе он бы спросил прямо сейчас.

Сиэт тихо усмехнулся, видя нетерпение Шу Ли. Убедившись, что все мальчики в сборе, он перестал играть, отложил арфу и открыл коробку.

— Крошки, посмотрите, что у нас есть! — он вытащил белоснежные трусы-боксеры.

Глаза Шу Ли засияли, а в душе он закричал:

«А-а-а-ах! Нижнее бельё! Это правда нижнее бельё! Да-а-а! Мне больше не придётся ходить голышом!»

Остальные дети лишь озадаченно покачали головками, понятия не имея, для чего нужен этот маленький кусочек ткани.

— Это нижнее бельё, — объявил Сизт и позвал Шу Ли: — Сперизэн, подойди и покажи всем, как его носить.

— Есть! — Шу Ли с охотой шагнул вперёд, выхватил боксеры из рук Сизта и на глазах у всех малышей быстро и ловко надел их.

Трусики сели идеально: мягкие, удобные и приятно прилегающие к телу — просто совершенство.

В этот миг Шу Ли ощутил полное умиротворение на душе.

Красноволосый Децио и беловолосый Анжель без колебаний последовали примеру Шу Ли. Всё, что было у их «босса», должно было быть и у них.

Двое малышей обступили Сизта, защебетали и стали активно жестикулировать, требуя себе такие же трусики.

Сизт тепло улыбнулся:

— Всем достанется, всем достанется. Не спешите.

Он открыл сундучок, где бельё было заговорено магией. Одно за другим изделия сами полетели к каждому малышу фее.

Вскоре каждый малыш-фей уже красовался в трусиках. Они приподнимали подол своих мантий, демонстративно хвастаясь новшеством друг перед другом.

Губы Шу Ли дёрнулись от этой картины.

Пока мальчики наперебой болтали и хвастались бельём, девочки под руководством Аиши тоже надели свои трусики.

С этого дня они стали первыми детьми-феями, надевшими нижнее бельё так рано после рождения.

С появлением белья Шу Ли наконец смог играть совершенно свободно.

Он мог сновать по ветвям деревьев, не опасаясь, что его мантия задерётся, или висеть вниз головой, не боясь оголиться перед другими.

Сиэт каждый день приходил в Ясли, чтобы учить их эльфийскому языку, начиная с самых простых основ — распознавания предметов.

В отличие от человеческих младенцев, дети-феи росли с поразительной скоростью. Они менялись буквально на глазах, а их интеллект быстро развивался. Всего за месяц они освоили разговорный эльфийский язык на бытовом уровне и могли без труда общаться.

За исключением Шу Ли.

Будучи единственным маленьким феем, благословлённым Королём Эльфов, он обладал исключительными способностями к обучению. Он раньше всех научился самостоятельно ухаживать за собой и даже умел просить у взрослых фей нужные ему вещи.

Однако его языковые способности вызывали глубокое беспокойство. Ему с трудом давалось запоминание даже простого произношения — часто требовалось семь-восемь повторений. Он постоянно путал имена других малышей, говорил бессвязно и неправильно употреблял слова, из-за чего его фразы оставались совершенно непонятными для остальных фей.

Это приводило Сиэта в полное отчаяние.

Спериэн был умён и старателен, но эффективность его обучения оказалась удручающе низкой.

Прожив полтысячелетия, Сиэт ещё ни разу не встречал столь противоречивого малыша.

Сидя на маленьком табурете, Шу Ли надул щёки; настроение у него было мрачнее тучи.

С тех пор как Сиэт начал учить малышей эльфийскому языку, Шу Ли вкладывал все силы в то, чтобы освоить его.

Но идеалы были возвышенны, а реальность — сурова.

В конце концов, он был полнейшим бездарем в языках.

Пока остальные малыши уже свободно могли общаться, он всё ещё мучился с базовым произношением.

В голове у него словно заварилась густая каша, а запоминание слов превратилось в хаос. Про себя он упражнялся и был уверен, что произносит всё идеально, но стоило заговорить вслух, как он тут же спотыкался и коверкал слова.

Это привлекало к нему немало насмешек со стороны других малышей-фей.

Каждый раз, когда Шу Ли подавал голос, какой-нибудь озорной фейчик-попугайчик начинал его обезьянничать и заходиться громким хохотом.

Шу Ли поджал губы, его крошечное личико напряглось, и он снова и снова успокаивал себя:

«Я взрослый. Мне не стоит опускаться до уровня детей, у которых даже зубы толком не выросли».

Однако Децио и Анжель рьяно защищали его. Любой, кто смел насмехаться над их «боссом», тут же получал от них по полной. Аиша и Сиэт быстро вмешивались, растаскивали дерущихся малышей, читали им строгие нотации и в наказание заставляли стоять на ветках деревьев.

Децио и Анжель несколько не раскаивались. Если кто-то снова осмелится насмехаться над Шу Ли, они всыпят им так же беспощадно.

Шу Ли был глубоко тронут.

«Они истинно мои лучшие братья!»

«Как я могу их подвести? Я обязан доказать всё и поразить всех!»

Как говорится в старой поговорке: «Если приложить достаточно усердия, то и железный пест можно сточить в иголку».

«Не верю я, что не смогу выучить эльфийский, если буду усердно заниматься!»

Раньше, когда за его спиной стояли родители и братья, он ленился, учил английский кое-как и в итоге получал плачевные результаты.

Но теперь всё было иначе. Перенесясь в этот незнакомый Иной Мир, он остался совершенно один и был вынужден во всём полагаться только на себя. Как бы ни было трудно, ему придётся преодолеть любые препятствия.

Несмотря на ежедневные самовнушения и настрой Шу Ли, прогресс в обучении всё равно оставался медленным.

Стоило ему опустить руки и подумать о том, чтобы сдать, как он сталкивался с доверчивыми взглядами Децио и Анжели, и его боевой дух вспыхивал с новой силой.

Чтобы улучшить свои успехи, он попросил у Сиэта бумагу и ручку.

Как говорится: «Даже самый плохой карандаш лучше самой хорошей памяти».

Разумеется, с его скудным словарным запасом и неуклюжими языковыми навыками ему потребовались нечеловеческие усилия, чтобы раздобыть чистую тетрадь и перо с автоподачей чернил.

Прожив в другом мире два месяца и лучше познакоившись с его культурой, он понял, что тот одновременно и отсталый, и продвинутый. Магия служила им высокоразвитой технологией.

Примерами тому служили перо с автоподачей чернил и одежда с функциями самоочистки, защиты от грязи и воды, которую он носил.

Шу Ли тщательно выписывал все слова, которым его учил Сиэт, помечая каждое китайской транскрипцией и добавляя краткие пояснительные примечания. Эта хитрость наконец помогла ему перестать постоянно запинаться.

Однако по сравнению с другими феями результаты его трудов оставались незначительными.

За столом из лиан дети сидели на маленьких табуретках, сложив руки за спиной и выпятив грудь, и нежными голосками пели складные детские песенки. И только златовласый малыш в первом ряду, сидевший в самом центре, вцепился правой рукой в перо и, наклонив голову, неистово строчил что-то в маленькой тетрадке.

Шу Ли записывал «коньэр» — использовал похожие по звучанию китайские иероглифы, чтобы заменять оригинальные слова песни.

Какая разница, что это значит? Сначала нужно научиться петь!

<http://bllate.org/book/19758/1951610>